

Владимир Александрович Викторovich

*доктор филологических наук,
профессор Государственного
социально-гуманитарного университета
(Коломна, Российская Федерация)*

VA_Viktorovich@mail.ru

ИСПЫТАНИЕ «ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ», ИЛИ ДВА УЧИТЕЛЯ ЕЛЕНА ШТАКЕНШНЕЙДЕР*

Аннотация. На материале дневников, мемуаров и переписки Е. А. Штакеншнейдер выявлен своеобразный идейный роман, сюжет которого — духовная эволюция Е. А. Штакеншнейдер от революционного радикализма П. Л. Лаврова к христианскому консерватизму Ф. М. Достоевского. Ставится проблема «учительства», духовных авторитетов для молодых поколений шестидесятых — семидесятых годов XIX века. Два «властителя дум», которые оценили нравственную красоту «умной горбуни», стали для нее учителями жизни. Она приняла оппозиционность Лаврова, увлекалась его бесцензурной поэзией, научилась «практической философии», критически размышляла о его удивительной широкости, совмещающей веру и неверие, однако духовник полковника-публициста считал «его искренним христианином». Об эстетической проницательности молодой читательницы свидетельствовал ее отзыв 1861 года о своеобразии стиля Достоевского: «естественность неестественности». Опыт «калеки» научил ее глубоко сострадать чужому горю и сорадоваться чужой радости. Испробовавшая «правду» атеизма, она с энтузиазмом восприняла «Дневник Писателя», когда наступило «время Достоевского», провозгласившего начала христианской антропологии. В статье также высказывается предположение, что Елена Андреевна Штакеншнейдер могла стать прототипом Лизы Хохлаковой в романе «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: Е. А. Штакеншнейдер, П. Л. Лавров, Ф. М. Достоевский, христианство, нигилизм, гедонизм, консерватизм, эго-документ

Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836–1897) принадлежала к тому поколению русских людей, чья юность пришлось на эпоху Крымской войны и последовавших за нею реформ. Ее жизнь интересна нам по двум основным причинам: во-первых, она зафиксирована в собственноручном дневнике и записках¹ с исключительной честностью и литературным достоинством; во-вторых, судьба подарила этой женщине, дочери знаменитого архитектора А. А. Штакеншнейдера, знакомство со многими выдающимися деятелями той эпохи, посещавшими литературно-художественный салон ее матери (хозяйкой которого со временем стала сама Елена Андреевна). Болезнь ног и позвоночника сделала ее на всю жизнь инвалидом, однако, как известно, если Бог в одном месте убавил, то Он прибавит в другом — физический недуг обострил природный ум, наблюдательность и душевную чуткость «девушки на костылях» (см.: [3]; [4]). В своих дневниках она дает проницательные характеристики литераторам, художникам, артистам, политикам, не менее значима и зафиксированная внутренняя жизнь автора, мучительная от недоступности простого женского счастья.

С горечью ощущая себя обиженной судьбою «птицей с подрезанными крыльями» (93), «браком в жизни» (288), Елена Андреевна нашла свой способ самоутверждения: быть полезной людям. Чрезвычайно внимательная собеседница, скорее слушательница, она была способна «схватывать мысль на лету» (366), а в некоторых случаях быть духовной сестрой милосердия. Впрочем, эти качества дались ей не сразу, но долгим опытом общения и беспокойных раздумий о себе и об окружающих людях. Стиль дневниковых записей с годами меняется: саморефлексия и бытовые описания уступают место «философическим» мотивам, открывая в авторе тонкого психолога и аналитика. Ко второй половине 50-х гг. Елена Андреевна в значительной мере отошла от переживания личной безнадежности к «болению за других», да и ситуация после поражения в Крымской войне вела к беспрецедентному обострению общественных интересов, беспокойству за судьбу страны и народа. Все это отразилось в дневнике и записках Е. А. Штакеншнейдер, ценнейших из эго-документов эпохи. В настоящее время нами готовится их полное издание.

Два «властителя дум», оценив нравственную красоту «умной горбуньи», стали для нее попеременно *учителями жизни*, путеводными светилами: *Петр Лаврович Лавров* и *Федор Михайлович Достоевский*. Движение от одного к другому образовало идейный роман, оставивший след в ее дневнике, мемуарах, переписке.

Е. А. Штакеншнейдер познакомилась с П. Л. Лавровым (1823–1900) в начале 1857 года. Это знакомство положило начало глубокой, местами прерывистой духовной связи, нить которой протянулась почти через четверть века, пройдя от общественного подъема шестидесятых до кризиса семидесятых, от эпохи недолгого единства к эпохе долгого размежевания отечественной интеллигенции.

7 января 1857 года, накануне встречи, Елена Андреевна записала, что она узнала о будущем знакомом:

Лавров — артиллерийский офицер, о котором много говорят. Он автор тех двух стихотворений, которые в 1854 году ходили по рукам. Особливо одно, к «Русскому царю»; другое, к «Русскому народу», было менее распространено, потому что слишком нецензурно (146).

Таким образом, она знала эти строки, выразившие скрытый до времени яростный накал критицизма в преуспевающем ученом-офицере (с 1858 года Лавров — профессор математики Михайловской артиллерийской академии, полковник):

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
 Подавленный ярмом,
 Позорно скованный бездушными властями,
 Шпионством, ханжеством!

От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движенье,
Черед уж за тобой!
Давно гнетут тебя наследники Батые;
Нет права для тебя...
Проснись, проснись! Восстань, несчастная Россия!
Твой бог зовет тебя...
Не в звучном пении торжественного клира
Пред ликом золотым —
В живой душе ищи глагол владыки мира,
Внимай словам живым!
Встань: ты пред идолом колена преклоняешь.
Внимаешь духу лжи,
Свободный, вечный дух ты рабством оскверняешь.
Оковы развяжи!
Восстань, свободная, пред силой незаконной,
Пред хаосом властей!
От неурядицы спасенье, оборону
Ищи в душе своей!²

Настрой будущим отношениям задал хороший знакомый Штакеншнейдеров, поэт В. Г. Бенедиктов:

Он говорит, что это <Лавров> какой-то необыкновенный, плутарховский, человек, суровый к себе, но вообще идеалист и мечтатель... (146).

Хорошо зная свою собеседницу, Бенедиктов пророчит ей (предвещая коллизию еще не написанного тургеневского «Накануне»), что когда она познакомится поближе с «необыкновенным человеком», то забудет «всех остальных» (147). И действительно, через год Елена Андреевна признаётся в симпатии к своему новому знакомому, поддержанной либерально настроенными близкими:

Может быть, я смотрю на него глазами Бенедиктова, и Ивана Карловича <Гебгардта>, и тетеньки <А. А.> Ливотовой, которые тоже превозносят его до небес. Мне так нужно кому-нибудь верить, положиться на кого-нибудь. Он, в сущности, из тех, кого я так боюсь, кого избегаю, но дело-то в том, что от него я надеюсь получить ответы на мучающие меня вопросы (170).

Очевидно, ответы вскоре были получены. Беседы с «мечтателем» и аполлетом социальной справедливости явно отозвались в дневниковой записи 2 февраля 1858 года:

Я была за границей, видела цивилизацию, приобретенную посредством прогресса, т. е. посредством шествования вперед по тому пути, по которому с таким спехом хотят гнать и нас, но блага, отсутствия голодных, холодных и обиженных — не видела. <...>

Цивилизация, которую нам навязывают, дала за границей *комфорт* для немногих, а не *благо* для всех (173).

Нетрудно разглядеть в этих переживаниях основную идею жизни П. Л. Лаврова.

Знакомство с публицистикой старшего друга отразилось частично в дневнике Е. А. Штакеншнейдер. Так, 27 апреля 1858 года она записывает: «Читала статью Лаврова о *воспитании*, жаль, что не все теории исполнимы» (205). Очевидно, Елена Андреевна имела в виду статью «Несколько мыслей о системе общего умственного поколения молодых людей» («Библиотека для чтения», 1858. № 2), где предложено было основывать воспитание «независимо от существующей организации школ» на трех принципах: «умозрительном, наблюдательном и историческом». Отметим все же критический взгляд читателя-единомышленника.

Запись, сделанная днем раньше, 26 апреля 1858 года, также отражает начавшийся идейный диалог с Лавровым: «...кончила “Жирондистов” и не влюбилась в революцию» (204). Дело в том, что «Историю жирондистов» Ламартина Штакеншнейдер читала по настоятельной рекомендации «плутарховского человека», как свидетельствует запись от 10 апреля того же года:

Лавров говорит, что когда его сыну минет четырнадцать лет, то он даст ему читать этих «Жирондистов» Ламартина, для того, чтобы он влюбился в революцию (199).

Вместе с тем наблюдательный и независимый ум замечает, что «революционность» Лаврова³ в корне отлична от характерной озлобленности либеральных «крикунов» типа Н. С. Курочкина, И. К. Гебгардта:

Их озлобление называется протестом, и ему вторят, и его поощряют. Я не знаю, оттого ли они озлоблены, что несчастны, или оттого несчастны, что озлоблены (207).

Оппозиционность Лаврова держится не на эмоциях, она вытекает из строго логических, последовательных умозаключений:

...формы жизни человечества, политические, общественные, семейные, уж устарели и не годятся, в настоящее время уже и обречены погибнуть, <...> он это утверждает не с иронией, не со злобой, не глумясь и кощунствуя, а совершенно спокойно, как нечто непреложное и неизбежное, как смерть, например (199).

Эта спокойная уверенность радикала сильно действует на мятущийся ум:

...чувствую, что наступит скоро время, когда забуду анализировать и смотреть под ноги и, очертя голову, пойду за ним, куда он поведет (180),

заставляет предпочесть его даже на фоне самых знаменитых либералов:

Мне как-то чувствуется, что у Лаврова есть идеал, может быть, грозный и беспощадный, но есть; у других же, в том числе и у <И. С.> Тургенева, — никакого (199).

Елена Андреевна увлекалась и бесцензурной поэзией Лаврова. 15 мая 1858 года она сообщила, что выучила наизусть стихотворение «Новому царю», посвященное дню коронации Александра II 26 августа 1856 года, и особо выписывает из него призыв к освобождению крестьян (209). Это то самое стихотворение, о котором впоследствии (8 января 1867 года) военный министр сообщит министру внутренних дел: «...в дерзких выражениях осуждается торжество коронации и возбуждается неуважение к священной особе его императорского величества» [13, 308].

Уже в стихотворении 1854 года «Русскому народу», частично процитированном выше, резко обозначился антиклерикальный настрой поэта-публициста. В позднейшей автобиографии (1885) Лавров следующим образом, в третьем лице, свидетельствует об этой стороне своего мировоззрения:

Он признает зародышную или патологическую область религиозного мышления, не отрицая его важной роли в истории как всякого зародышного фазиса в эволюции зрелых форм. <...> цивилизация нового времени есть по своей существенной характеристике цивилизация светская, стремящаяся выделить из себя всякий религиозный элемент, который окончательно и должен из нее исчезнуть [8, 534–535].

Теперь представим, что на пути автора этих строк встретилось юное создание, еще недавно каждодневно с упоением читавшее Четьи-Минеи. Результат этой встречи (поддержанный скептическим духом эпохи) мы видим в записи Елены Андреевны от 2 февраля 1858 года:

...соборы строились не для удобства человеку, а во славу Бога. Не по другому ли пути мы идем теперь? Не на том ли, прежнем, который привел к соборам во славу Бога, — лежит наша Мекка? (173)

Сомнение осталось неразрешенным, а вскоре девушку посещает другое, гораздо дальше идущее сомнение. Она описывает впечатление от картины И. К. Айвазовского «Гибель корабля “Лефор”»:

Сверху идет в море луч света, и в этом луче стоит Спаситель и принимает души утопленников, которые поднимаются и несутся к нему. Страшно смотреть на эту картину. Но не она собственно страшна, а то, что ее породило.

Айвазовский всею мощью своего таланта не передаст ужаса действительности. Глядя на его картину, только подумаешь: а если Спаситель не приходил? И вот тогда-то предстанет не картина, а действительность во всем ужасе; без светлого луча, без Божества... (182–183).

Так и кажется, что Елена Андреевна цитирует одного из героев Достоевского, впрочем, еще не явившегося на свет. Айвазовский ее уже не удовлетворяет, она как будто в ожидании художника, который смог бы «всей мощью таланта» выразить ужас действительности «без Божества». А что мог Петр Лаврович?

15 апреля того же 1858 года, собираясь к Лавровым, Е. А. Штакеншнейдер «хотела отвезти <...> отрывки из “Таинственной Капли”», мистической поэмы Ф. Н. Глинки, которою сама еще недавно была увлечена, но что-то ее остановило: «...перечитав их сейчас, думаю, что и хорошо, что не удалось этого сделать: Глинку там подняли бы на смех» (201). Сама Елена Андреевна объясняла произошедшую в ней перемену разницей между текстом, слушаемым во вдохновенном исполнении автора, и текстом, читаемом собственными глазами. Думается, однако, что причина была не только в этом. Интересно, что, резонно опасаясь иронической реакции просвещенной аудитории на религиозную поэзию, Елена Андреевна все же делала различия между Лавровым и его приятелями:

Нет, я эти отрывки покажу Лаврову, когда он будет у нас, но на съедение его Зотовым и Кеневичам, да и нашим Курочкиным их не дам (201).

Как видим, Елена Андреевна рассчитывает на понимание своей «остаточной» религиозности и, очевидно, не без основания.

В записи от 27 октября 1859 года девушка размышляет об удивительной широкости своего учителя: «...бывают минуты, когда он обратно противоположен» (240). Так, он «считается неверующим» и не опровергает этого мнения, однако священник, официальный духовник полковника-публициста, «считает его искренним христианином»:

Лавров исповедывался у него, и исповедывался долго и с умилением. Наконец, кончил, и священник взялся уже за епитрахиль, <...> как этот кающийся вдруг поднял голову, встал с колен и снова начал каяться, он вспомнил еще какой-то грех свой (241).

Возможность рисовки или обмана со стороны Лаврова Штакеншнейдер категорически отвергает: «Вот так-то глубока и таинственна и неуловима душа человеческая» (241). «Теперь принято не верить в Бога и его промысл», — предвзвешивает автор дневника свой рассказ, но по поводу Лаврова, ставшего «революционером и жестоким отрицателем всего» «для пользы человечества»

путем теоретических выкладок, делает замечательную оговорку: он «мог прийти к такому выводу и убеждению вопреки своим склонностям» (240).

Очевидно, ум с сердцем не в ладу и у самой ученицы, и долго еще ей придется подчинять второе первому. Через десять лет, встретив друга юности Н. О. Осипова, она любопытствует в характерном духе:

Еще хочется мне узнать, как относится он к вопросам о религии. Хочется знать, верит ли он еще, *повинуясь влечению и потребностям своего сердца*, или *честный ум* его восторжествовал и тут, и он, во имя истины, отказался от этого утешения и этой опоры (курсив мой. — В. В.) (47–48).

В декабре 1870 года Лавров шлет Штакеншнейдер «из осажденного Парижа» стихотворение «Рождество Христово», явно рассчитывая на сочувствие своей корреспондентки:

Любви и правды от Мессии
Народы перестали ждать,
Бессильны полчища святые
Земное зло уврачевать.

<...>

Встань, человек, ты мертвый идол
Своей любовью оживил,
Ему свою ты силу придал,
Себя в Христе ты воплотил.

<...>

Сам для себя будь божеством!⁴

Стихи, надо сказать, опоздали: их читательница к тому времени уже не разделяла пафос автора. Однако об этом чуть позже.

«Практическая философия», которую тщательно выстраивал Лавров, с оглядкой на европейские авторитеты позитивистской и социалистической мысли, была *новой этикой*. Ее целью было освободить личность «от каких бы то ни было метафизических теорий» [10, 353]. Лавровский «Очерк теории личности», напечатанный в 1859 году в «Отечественных записках» (№ 11, 12) и в 1860 году вышедший отдельным изданием под заглавием «Очерки вопросов практической философии. 1. Личность», давал систематическое изложение основ безрелигиозной морали. Хотя Лавров, для отвода глаз духовной цензуры, заявлял: «Религия как источник нравственности вне плана нашего сочинения» [10, 394] — но было понятно, что религия — вне плана самого образа мыслей автора. Его вопрос, заданный по поводу кантовской этики, ныне, в исторической перспективе, мог бы быть обращен к фундаментальным основаниям нравственной философии автора «Братьев Карамазовых»:

Неужели справедливо, что начало нравственности человека и общества обусловливается метафизическими убеждениями и скептик в метафизике не может иметь твердых убеждений относительно прав и обязанностей? [10, 373]

Лавров давал категорический и как бы сам собою разумеющийся ответ: не обусловливается и — да, может... Вопрос, по его мнению, лишь в уровне развития личности, достигнув который, она сможет, наконец, «правильно судить» о своих истинных потребностях. Из этих последних Лавров выделял четыре основополагающие: «достоинство, развитие, критические убеждения и справедливость». «Для развитого человека, — уверял философ-публицист, — они так же определены и обязательны, как понятия геометрии...» [8, 538]. В известном романе Достоевского, и тоже от «развитого человека», слышим: «...да ведь тут арифметика!»⁵ За полтора года до «Преступления и Наказания» Е. А. Штакеншнейдер делает запись в дневнике, подтверждающую, что решительный для теории Раскольникова эпизод (где и была произнесена процитированная фраза) выявил «самые обыкновенные и самые частые <...> молодые разговоры и мысли». Вот как это выглядит в опережающей записи Елены Андреевны от 17 августа 1864 года:

Вчера <...> опять спорили, на этот раз о неизбежности преступления. Мы, т. е. Аля, Бертельс и я, утверждали, и будем, вероятно, всегда утверждать, что знание — единственное спасение (335).

Никакой Божественной санкции не требовалось для этики нового рационализма, она легко и просто заменялась отсылкой к гедонистически истолкованной *природе* человека:

Прирождено человеку лишь стремление к наслаждению, и, в числе наслаждений, развитый человек вырабатывает наслаждение нравственной жизнью и ставит это на высшую ступень в иерархии наслаждений [8, 537].

Все дело оказывалось «лишь» в этой самой иерархии, положенной затем в основание и так называемой теории разумного эгоизма Н. Г. Чернышевского. Последний одобрительно-покровительственно откликнулся на «практическую философию» Лаврова, подчистив в ней некоторые идейные и стилистические погрешности и указав на первоисточник новых воззрений в «немецкой философии», подразумевая, конечно, Л. Фейербаха [18]. И Лаврова, и Чернышевского объединяет победительный для молодых умов пафос простых решений, причем последний, безусловно, идет дальше. Е. А. Штакеншнейдер в своих записях отдает предпочтение Лаврову, обнаруживая у Чернышевского раздражающий ее «недостаток познаний», прикрытый юмором нахальным и тяжелым (282). Разница во взглядах у Лаврова и Чернышевского, по существу, скорее тактического свойства (потому и пренебрегаемая самим Лавровым), однако для Елены Андреевны стиль

не был делом второстепенным. Так, на пике собственного «нигилизма», 8 апреля 1862 года она не преминула заметить, что революционные прокламации «написаны плохо»⁶. По этой причине ей даже трудно сдерживать раздражение: «Не досадно ли, что ничего не удается, точно заколдованы мы...» (308). Впоследствии, по прочтении «Что делать?» («Я этим романом наэлектризована»), Елена Андреевна переменит отношение к автору, признав за ним «высоконравственное направление» (322).

Раздражение Штакеншнейдер на малокультурность и «короткомыслие» обретенных соратников еще не раз вырвется наружу. 15 октября 1862 года она критически оценит либеральный багаж «тетеньки Ливотовой»:

Цивилизация для нее идеал. Прогресс, гуманность, свобода, равенство, братство — связанные слова. Сама она добра, сердечна и великодушна, оттого и верит в них, — а я читаю ужасно много, и смею думать, что многое понимаю, с помощью разговоров, к которым прислушиваюсь, но, впрочем, — Лавров и компания сами виноваты. Они все проповедывают скептицизм, и вот — я скептически отношусь ко многому, даже к ним самим (342).

В записи от 4 декабря 1864 года подвергается нелицеприятной критике торопливая эмансипаторша Л. П. Шелгунова:

...я или не поняла или не добилась толку, во имя чего она разрушала; что всякое разрушение законно, благородно, это никогда так не чувствовалось, как в то время, и оттого, может быть, так мало спрашивалось: за что? Всякое разрушение, отрицание в то время доставляло такое же наслаждение, какое доставляет томимому жаждой *первый* глоток воды. Связанное общество до того истомилось, лежа без языка и движения, что готово было все поломать, лишь бы хватило смелости; готово было признать своего в каждом разрушителе, лишь бы только явился таковой.

Меня потому берет раздумье насчет Шелгуновой, что михайловская прокламация неглубока, слишком неглубока. В ней как-то больше желания *руку правую потешить*, чем высказать истину (344).

Елена Андреевна таким образом оценила известную прокламацию «К молодому поколению», за распространение которой М. Л. Михайлов, вероятный соавтор Н. В. Шелгунова⁷, был отправлен на каторгу.

В записи от 3 ноября 1869 года в жгучей смеси сочувствия и раздражения уже явно перевешивает второе:

Моя молитва не услышана. Я молилась о том, чтобы не истребилось племя нигилистов, — оно истребляется, вернее сказать, вырождается.

Вчера я их видела.

У Надежды Васильевны Стасовой было собрание <...> по устройству женских курсов. Несостоятельность, односторонность взгляда, непонимание, даже <...> нечестность!

И все это, как мне кажется, из одного источника — из невежества.

Покровский определяет нигилиста по особому, ему только, т. е. нигилисту, принадлежащему методу мышления. Он говорит, что нигилист никогда не исчерпывает предмета, берет его, как он ему видится, — в крайней прозе: есть ли что за ним, нигилисту нет дела; существование всего, что заходит за его горизонт, он отрицает, а горизонт его невелик, чуткости у нигилиста никакой (405–406).

Упоминание М. П. Покровского здесь особо значимо: недавний вожак протестующего студенчества с конца шестидесятых, вернувшись из ссылки, становится горячим почитателем Достоевского и в этом своем качестве он сыграет для Елены Андреевны роль проводника на пути от Лаврова к Достоевскому, откроет ей те самые широкие «горизонты», которых ей так не хватало:

Не Покровский ли и меня научил поклоняться Достоевскому, так сказать, открыл мне его, и в его произведениях открывал такие горизонты, которые без него были бы для меня совершенно недоступными? (461)

Не лишним будет отметить, что и в эпоху своей «левизны» Покровский все же не был оголтелым радикалом. Так, осенью 1861 года он остановил намечавшуюся студенческую сходку у Казанского собора и тем самым предотвратил «неминуемое кровавое столкновение»⁸, а затем наотрез отказался поддержать проект террористического захвата наследника престола в качестве заложника. Возвращаясь к 1869 году, отметим, что в дневниковой записи от 19 ноября Елена Андреевна сокрушается о перерождении убеждений М. П. Покровского и нынешнего сотрудника «Московских ведомостей» Л. Н. Антропова, но и собственную веру она уже подвергает первому сомнению:

Они оба катковисты.

Как немногие остались верными преданьям юности. Но, может быть, вступив в жизнь, окунувшись, так сказать в нее, и нельзя им оставаться вполне, абсолютно верным, а это только могут такие, как я, стоящие вне жизни (408).

Елена Андреевна оказалась неправа: ее собственное перерождение убеждений было не за горами. Впоследствии, набрасывая мемуарный очерк «П. Л. Лавров», она попыталась осмыслить годы, прошедшие под воздействием Лаврова, и пришла к выводу, что секрет его влияния во многом заключался в обаянии личности:

...богатство познаний, катоновская честность воззрений, примененная к общественным и политическим обстоятельствам того времени, и <...> бесстрашие (363).

Рассказывая о популярности его публичных лекций («Три беседы о современном значении философии» в зале петербургского Пассажа в ноябре 1860 года), Елена Андреевна заметила:

Он был поистине героем дня в то время, а для меня каким-то апостолом новой веры, веры — разрушения. <...> Он говорил: «разрушайте; весь строй существующей жизни должен быть разрушен; и государство, и церковь, и семья — все это должно пасть и исчезнуть; и каждый честный человек обязан всеми силами способствовать их падению. Мы все, ныне живущие люди, разрушители, не созидатели, помните это. Созидать не наше дело, а будущих поколений. И что они построят, — мы не знаем; это также не наше дело. Мы должны им только расчищать место» (364).

На протяжении шестидесятих годов такая позиция удовлетворяла Елену Андреевну, новое же десятилетие принесло новые запросы, вербальная «чистка» через отрицание «всего строя» потеряла былую привлекательность, а коммунарные эксперименты в духе «Что делать?» Чернышевского сошли на нет. Хотелось чего-то большего. И тогда новым, ярким, хотя недолгим светом в последний раз вспыхнула звезда «практического философа».

В 1868–1869 гг. ссыльный Лавров под прозрачным псевдонимом «П. Миртов» печатает в газете «Неделя» публицистический цикл «Исторические письма» (отдельное издание — СПб., 1870). Воздействие книги на радикально настроенную молодежь было потрясающим: «...падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жадной жить для благородных идей и умереть за них»⁹. Окончательно оформлялась этическая максима русской интеллигенции — долг перед народом. Одна из четырех фундаментальных «потребностей развитого человека» — *социальная справедливость* — выходила на первый план. Лавров не оставлял «цивилизованному меньшинству» ни малейшей возможности и дальше ждать улучшений «слова руки» «в виду постоянно страждущего большинства»: «...а вы сами, зрячие среди слепых, здоровые среди больных, что вы сделали, чтобы содействовать прогрессу?» [9, 93–94, 111]. Своим этическим зарядом поставленный так вопрос со всей очевидностью подводил к дилемме того же Раскольниковца из романа двухлетней давности:

Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или <...> послушно принять судьбу, как она есть...¹⁰.

Читал ли Лавров «Преступление и Наказание» и мог ли знать о том, что повторял ход мысли и чувства идейного убийцы? Вряд ли. Чего не скажешь о Е. А. Штакеншнейдер: чтение Достоевского для нее становилось в эти же

годы величайшей потребностью. Разные читательские предпочтения обозначали и разные векторы развития.

Автор «Исторических писем» в своих практических выводах и рекомендациях опять же чем-то напоминает упомянутого героя Достоевского:

Когда критически мыслящее меньшинство повторяет свои требования реформ, оно встречает неодолимые препятствия. Все остается как есть, пока <...> недовольные не сознают, что путь мирных реформ для общества невозможен. Тогда отжившие формы разрушаются, но уже не путем мирных законодательных реформ, а путем насильственной революции, которая фактически в историческом процессе оказывается большею частью несравненно более обыкновенным орудием общественного прогресса, чем радикальная реформа в законодательстве мирным путем. <...> Бедствия революций известны всем. Огромное количество страданий, ими вызываемых <...> делает их всегда весьма печальным средством исторического прогресса. Но так как он большею частью невозможен иным путем при серьезных общественных неудобствах и так как иногда даже прямой расчет доказывает, что хронические страдания масс при сохранении прежнего строя иногда далеко превосходят все вероятные страдания в случае революции, то приходится самым мирным, но искренним реформаторам обращаться в революционеров [9, 92].

Судя по всему, в последнем предложении Лавров имел в виду и самого себя. Когда-то, в 1857 году, в направленном А. И. Герцену «Письме к издателю» он заявил о своей вере «в возможность преобразования и совершенствования России, не страшным переворотом, <...> но примирением прошедшего с будущим» [11, 111]. Впоследствии Лавров признал это своей «крупной ошибкой» [8, 548], однако именно тогдашняя «мягкотелость» привлекала к нему симпатии Е. А. Штакеншнейдер. В дневниковой записи 26 января 1860 года она следующим образом оспаривает более брутальный радикализм Чернышевского:

...надо уничтожить все старые порядки, <...> и на пустом месте построить новый храм, храм всеобщего блага. Но ведь в этот новый храм войдут люди и внесут с собой все свои присущие им страсти: и зависть, и жадность, и честолюбие, и самолюбие и прочее, и прочее. Что же станется тогда с благом? Чем созидать новый храм и ради него все уничтожать, не лучше ли и не проще ли прежде приготовить себя для будущего блага этого? Вглядеться каждому в себя и, чем разрушать все окружающее, — разрушать свои страсти, себя совершенствовать, тогда благо водворится и само собой, и храма не будет нужно. Но к этому все глухи. Дух разрушения обуял, и носители его считаются пророками и апостолами, и им разрешается лгать во имя этого духа.

И Лавров такой апостол, но он поэт, не бурсак и, говорят, истеричный человек, у него это выходит не так жестко (283–284).

Петр Лаврович тем не менее старался идти в ногу со временем и культивировал в себе «человека железной воли»¹¹ (таким его увидел Г. А. Лопатин, но, на взгляд И. С. Тургенева, он был «голубь, который всячески старается выдать себя за ястреба»¹²).

Елена Андреевна знала, разумеется, что ее старший друг все более и более склоняется к идее «народного восстания»¹³, сама же она, как очевидно, не захотела идти за ним в эту сторону. Их переписка 1870–1873 гг. однозначно свидетельствует о необратимо углубляющемся идейном отчуждении. Дошло немалое количество писем П. Л. Лаврова-эмигранта и не найдены пока письма Е. А. Штакеншнейдер, однако ее реплики можно реконструировать по ответным посланиям.

Сделав несколько попыток перетянуть адресата на свою сторону, научить «всматриваться глубже в ход истории и не пугаться некоторого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества»¹⁴, Лавров расписывается в своем бессилии перед окрепшим скептицизмом бывшей ученицы:

Можно укрепить знание, но веру укрепить нельзя; поэтому, если вы потеряли веру в самую возможность лучшего строя общества, достигнутого путем бесчисленных жертв и кровавых потрясений, то я не в состоянии укрепить этой веры¹⁵.

Тем не менее революционер-математик приводит знакомый нам уже «арифметический» аргумент:

Много жертв! Знаете ли, дорогой мой друг, что этот ужас перед мертвыми, перед падающими при театральной обстановке битв, убийств, резни и казней, есть в значительной мере иллюзия. Возьмите статистические данные за десять лет, среди которых в продолжение небольшого кусочка времени совершились самые кровавые революции и сравните с таблицами смертности за десять лет, когда революций совсем не было. Вы увидите, что среднее число выбывших одно и то же¹⁶.

Математик Лавров оказал здесь услугу Лаврову-революционеру, однако в глазах Елены Андреевны он все более представлялся сугубо «теоретической головой» (381).

Переписка Лаврова и Штакеншнейдер 1870–1873 гг. однозначно свидетельствует о необратимо углубляющемся идейном отчуждении. В 1871 году, сев за воспоминания о Лаврове, Елена Андреевна подвела своеобразный итог прошедшему:

...я сделалась восторженной поклонницей Лаврова. Стала смотреть на вещи его глазами, повторять его слова, любить, что он любил, ненавидеть, что он ненавидел, одним словом, стала превращаться в нигилистку, хотя этого слова еще и не существовало в то время... Только теперь, в 1871 году, я начинаю

несколько одумываться и приходиться в себя или выходить из себя, я уже и сама не знаю, но какая-то внутренняя работа началась... (362).

Интересно, что в том же 1871 году близкий друг Елены Андреевны поэт Я. П. Полонский пишет стихотворение «Что с ней?». Нарисованный здесь портрет молодой искательницы истины довольно типичен для эпохи, но местами так и кажется, что списан с Е. А. Штакеншнейдер:

Когда из пелен порывалась она,
Молилась и жарко мечтала,
Растленная жизнь, зла и грязи полна,
Ей раны свои обнажала.

<...>

И дух отрицанья ее посетил,
Он понял, какая в ней сила;
Он юную душу настолько пленил,
Насколько душа та — изныла;
Науку, семью, государство, права,
Религию, гений, искусство, —
Всё, всё превратил он в пустые слова,
Насилуя разум и чувство¹⁷.

Есть в стихотворении, как нам представляется, и прямой намек на П. Л. Лаврова, в то время уже политэмигранта, обременявшего Елену Андреевну бесчисленными просьбами о помощи:

И тот, кто взял дань с ее сердца, и тот
Пошел уж другою дорогой,
Ей бросивши на руки много забот
И грудь познакомив с тревогой...

Выход, предлагаемый автором — в смене авторитетов:

Ожесточенная — вряд ли поймет,
Что в бездне людских заблуждений
Лишь только поэт искры сердца найдет,
А искры ума — только гений¹⁸.

Слова оказались пророческими: именно «поэт» (Полонский) и «гений» (Достоевский) выводили нашу героиню из «бездны заблуждений».

Очевидно, на стадии новой «внутренней работы» и произошло сближение Е. А. Штакеншнейдер с Ф. М. Достоевским. Знакомство их берет начало еще с 1860 года, когда вернувшийся с каторги и ссылки писатель стал посещать салон Штакеншнейдеров [6]; [7]; [16, 73–83]. На протяжении всего последующего десятилетия, так сказать, «лавровского», Елена Андреевна

осторожно приглядывалась к автору «Записок из Мертвого дома». Его каторжное прошлое вызывает немалое сочувствие, и до удивления поражает своей необычностью Достоевский-художник, что отразилось в письме к Я. П. Полонскому от 2 июля 1861 года:

Вышел конец четвертой части «Униженных и оскорбленных». Ну уж, Яков Петрович, оно увлекательно-то увлекательно, да так только странно, в особенности встреча Наташи с Катей. Ну что это за Наташа, что это за Катя, такие прелести. Но скажите по совести, Вы, гуляя по свету и заглядывая во все углы, встречали ли что-нибудь подобное? Верно, нет? Еще Наташа может быть, а Катя уж нет да нет, да и Алеша нет. Ведь в Достоевском что дорого — это естественность неестественности, это обыденность разговора, слога. Он создал сам себе, не по образу Божию, а по своему собственному образу, человечков и видит, и мы все видим, что они в самом деле человечки, хоть и не похожи на нас (цит. по: [14, 255]).

Эстетическая чуткость молодой читательницы («естественность неестественности»!) превысила все критические разборы романа, отсюда понятно, почему Полонский счел нужным сообщить Достоевскому суждение своей корреспондентки (и, возможно, уже тогда писатель отметил ее в своей памяти). Укажем попутно на интерес Елены Андреевны именно к «мученице» Наташе, а не к счастливым героям романа.

В то же время «почвенная» публицистика Достоевского не произвела никакого впечатления на «лавристку»: журнал братьев Достоевских «Время» в дневниковой записи 30 мая 1863 года она аттестует как «бледный, не высказанный журнал, добродушный и туповатый» (332). Последовавшие затем романы Достоевского «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы» печатаются в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник», и этим обстоятельством, очевидно, было предопределено ее настороженное отношение к автору, как, впрочем, и у других представителей «прогрессивного» молодого поколения. Так, в 1869 году она дважды, в дневнике и в записках, определяет свое отношение к знакомым исходя из универсальной мерки: не «катковисты» ли они, упаси Бог (47, 408). Любопытно, что уже через два года Лавров ей самой вменяет в вину то же обстоятельство: «Мне грустно думать, что Вы там жмете руку сотруднику, наемнику и хвалителю Каткова, певца реакции...»¹⁹.

Как уже было сказано, интерес к Достоевскому пробудил у Елены Андреевны М. П. Покровский, недавний «нигилист», а в начале семидесятых «большой поклонник» писателя (455). Столь резкий поворот многих молодых читателей (Елена Андреевна описывала, сколь одиноким изначально выглядел Достоевский в компании молодежи, посещавшей Штакеншнейдеров в шестидесятые годы — 434) приводил в недоумение и саму мемуаристку:

Не могу себе этого разъяснить. Может быть, общество, выйдя на путь цивилизации и прогресса, еще было сыто тогда и имело еще при себе большой

запас духовного хлеба. А пройдя двадцатилетний путь и в 70-х годах очутившись в пустыне и без хлеба, взалкало (454).

«Хлеба» она уже не ожидает от Лаврова, его потеснил иной учитель. Новое впечатление от общения с Ф. М. Достоевским Елена Андреевна отказывается определять светским словом «очарование», предлагая более точно: «Он как-то скорее околдовал, лишил покоя» (457). В подтверждение мемуаристка припоминает характерный эпизод:

Говорили, вероятно, о какой-нибудь злобе дня, но он в предмет углубился, обобщил его и нарисовал такую поразительную и так мастерски картину настоящего и истекающего из него будущего, — дело было в начале 70-х годов, — и так зловеще осветил ее, что все были потрясены, и, как потом оказалось, ни я, ни Покровский, ни бывший при этом Загуляев всю ночь не сомкнули глаз (457–458).

Точно уловлен тревожно-будирующий эффект публицистики Достоевского (устной или письменной, не имеет значения), ведущей слушателя (читателя) от видимой «злобы дня» к незримому «будущему». Таковы, несомненно, его выступления в «Гражданине» 1873–1874 гг., особенно под рубриками «Дневник Писателя», «Иностранные события». В частности, как будто начитавшись Лаврова, Достоевский определял сущность надвигающейся революции как «мечту о справедливости, основанной единственно на законах разума» и на «полнейшей независимости от религии»²⁰. События в Европе последнего времени наводят Достоевского на пророчества о несомненной грядущей победе таковой революции. «Новый дух придет, новое общество *несомненно* восторжествует — как *единственное* несущее новую, положительную идею...»²¹. Вспомним, что и Лавров пророчил тогда же неизбежную победу революции в целях справедливости, однако Достоевский не мог не поразить Елену Андреевну профетизмом иного толка, эсхатологией грядущих перемен: «Мир спасется уже после посещения его злым духом... А злой дух близко: наши дети, может быть, узрят его...»²². Было от чего «не сомкнуть глаз» Е. А. Штакеншнейдер и ее друзьям!

В дневнике Елены Андреевны появляются удивительно тонкие и емкие оценки творчества писателя, продолжающие тему «естественной неестественности». В числе немногих современников она глубоко проникает и в нюансы его сложной личности, женским пытливым зрением видя за преходящей раздражительностью безмерную сердечную доброту. От нее не скрыт парадокс божественного огня в оболочке обывателя: «И вот этот мещанин — глубочайший мыслитель и гениальный писатель» (438). Замечательно, что теперь, в резком отличии от предыдущих лет, Елена Андреевна в большей степени ценит значение Достоевского как публициста, учителя жизни, нежели как художника. Теперь уже не Лавров, а Достоевский, как полагает недавняя «нигилистка», может «указать путь к правде». Формулируя кратко

произошедшую в ней перемену, можно сказать, что энергия протеста, возбужденная Лавровым, переродилась в энергию смирения перед жизнью как созданием Божиим. О «силе смирения» говорит Достоевский в главе «Влас» «Дневника Писателя» 1873 года. И вполне закономерно опровергает главный «пунктик» «практической философии» Лаврова и его единомышленников — аксиому о гедонизме человеческой природы. Начала иной, по существу христианской, антропологии открыто и, учитывая контекст эпохи, мужественно были провозглашены Достоевским в одной фразе, вызвавшей буквально шквал насмешек либеральной журналистики: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания...»²³.

Очевидно, не такой простой была эта смена вех от идеи наслаждения к идее страдания. Елена Штакеншнейдер прошла путь Иова, как и ее второй учитель, и не только в общественной ипостаси: опыт «калеки» научил ее глубоко сострадать чужому горю и сорадоваться чужой радости. «Практическая философия» Лаврова как будто бы учила тому же, однако гедонистическая простота позитивной антропологии оставляла в душе пустоту, которую нечем было заполнить. Это был тупик, в который зашел герой «Приговора» («Дневник Писателя» 1876 г., октябрь):

Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? <...> Всё, что мне могли бы ответить, это «чтоб получить наслаждение». Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. <...> не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля²⁴.

Впрочем, подобное же ощущение временами посещало и Лаврова. Одной только Елене Андреевне мог он признаться в минутах «слабости», как, например, в письме от 18/30 октября 1872 года:

Если бы я не очень уж выработал в себе скептицизм и умственную критику, я совершенно уверен, что стал бы теперь спиритистом и был бы гораздо более счастлив и доволен, чем теперь. Но и для этого нельзя уступать единственного достоинства человека — трезвой мысли. А признаюсь, иногда хотелось бы. Я совершенно понимаю теперь то состояние духа, в котором люди весьма недюжинные могут свернуть с этого пути. Когда я разбираю то, что я чувствовал, думал или делал эти 1½ месяца, то сознаю, что поступал в значительной доле так, как надо бы поступать, если бы я верил в бессмертных духов или душ, видящих нас, слушающих нас и могущих быть довольными или недовольными тем, что мы делаем, могущих страдать или радоваться. А я очень хорошо знаю, что некому быть довольным или недовольным, опасаться или радоваться; знаю, что это я сам с собою наедине балуюсь. Но поступаю, будто бы знал иное или верил в иное. И понимаю, что для многих может быть совершенно неизбежна эта вера. Понимаю, что

многие могут видеть, слышать, сообщаться с фантастическими образами и наслаждаться этим. Было бы много наслаждения в полной иллюзии, но она недостойна человека... Впрочем, перестаю. Вы не можете себе представить, как меня волнуют, раздражают эти немногие строки, которые я пишу Вам одной, пишу намеками, и которые так хочется писать. Но к чему? надо отвыкать... Долго еще меня будут посещать призраки, но они побледнеют, я знаю; таков закон природы...²⁵.

В обратном (что «призраки» не отстанут) убеждена была испробовавшая на себе «правду» атеизма корреспондентка этого исповедального послания русского революционера. Именно теперь, в растерянные семидесятые, а не в энтузиастические шестидесятые годы наступило время *Достоевского*. По мнению Е. А. Штакеншнейдер, решающую роль здесь сыграл «Дневник Писателя» 1876–1877 гг.:

«Дневник Писателя» сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не одной молодежи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне назвал проклятыми. <...>

И ведь началась его слава <...>, когда стал он издавать «Дневник Писателя». Каторга же и его прочие произведения только усиливают ее, но не они ее причиной (434).

Наблюдение Елены Андреевны можно подтвердить суждениями других современников и в особенности современниц Достоевского. Так, Х. Д. Алчевская признавалась: «...когда появился в свет его “Дневник Писателя”, он вдруг сделался как-то особенно близок и дорог мне. Кроме даровитого автора художественных произведений, передо мною вырос человек с чутким сердцем, с отзывчивой душой...» [17, 325].

Далеко не все были согласны с такой оценкой. Как писала Е. А. Штакеншнейдер: «Утешающий одних и раздражающий других» (456). Среди последних был, например, популярный публицист Е. Л. Марков, «любимец либерального Петербурга, его пророк и глашатай его истин» [14, 264], как его называет Штакеншнейдер в письме к Достоевскому от 23 мая 1879 года. Рассуждения Маркова о пессимизме Достоевского в статье «Романист-психиатр» [12] вызывает ироническую реплику Елены Андреевны: «...разве он не мнит, что постиг Вас? И как бойко он все решил, распределил и подвел итоги. А редактор объявил, что у Вас мрачное настроение. И оба не сомневаются, что это правда, что настроение мрачное» [14, 264]. Сама Елена Андреевна читает Достоевского иначе: сравнивая его с другими «певцами униженных и оскорбленных» Диккенсом и Сю, она замечает по поводу Лизаветы Смердящей: «...как ни искажен в ней лик человеческий, все же он в ней есть...» (464).

«Раздраженные» Достоевским прочитывали в его христианской проповеди пропаганду политического конформизма или, в лучшем случае, наивное

прожектерство. Так, и газетно-журнальная реакция на «Пушкинскую речь» не удивила ее автора: «...и трус то я, и Манилов»²⁶. В ответ одному из оппонентов, А. Д. Градовскому, поучавшему, что «общественное совершенствование» «не может быть произведено только работой “над собою” и “смирением себя”»²⁷, Достоевский пишет третью главу «Дневника Писателя» за 1880 год. «Личное самосовершенствование, — еще более заостряет он свою мысль, — объемлет, зиждет и сохраняет организм национальности, и только оно одно»²⁸. В письме к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля 1880 года он сообщает: «...решил отвечать Градовскому, то есть не столько Градовскому, сколько написать весь *наш* profession de foi на всю Россию»²⁹. Замечательно здесь курсивное *наш* (в этом же письме: «Я Вас люблю, и Вы это знаете»³⁰). Достоевский имел на это полное право: «Пушкинская речь» вызвала у его корреспондентки воодушевление «политическое» и при этом глубоко личное. В письме Достоевскому от 19 июня 1880 года она так оценивает это событие: «И не великому поэту одному указали Вы его высокое место, Вы указали его и для России, подняли наш угнетенный дух <...> Ваши слова о России придали мне снова охоту жить» [14, 266–267].

Задушевное («моя дорогая»)³¹ общение переходило в привычку, и прерывание его порождало чуть не требования: «...не забывайте, пишите», «напишите мне, пожалуйста, еще»³². Когда-то Аполлинария Сулова обвинила его в том, что он любит «питаться чужими страданиями»³³. Достоевского это обвинение, естественно, обидело своей несправедливостью в нравственном смысле, но стоило бы посмотреть с другой точки зрения — писательского, художнического дара («божественная губка!»). Думается, что и столь острая необходимость общения с Еленой Андреевной в период работы над романом «Братья Карамазовы» помимо прочего диктовалась также впитыванием необходимых впечатлений. Вот это соединение открытой веселости и скрываемого мучительства человека в инвалидной коляске, что не могло не поражать Достоевского в Елене Андреевне (и что теперь прочитывается в ее дневниках)³⁴, мы находим в образе Лизы Хохлаковой. Тема обиженных природой не оставляла Достоевского и получала теперь новое воплощение.

Приведем диалог Алексея Карамазова и Лизы, в котором проглядывают существенные стороны личности Е. А. Штакеншнейдер, столь ценимые Достоевским:

— <...> Я смешная и маленькая, но вы, вы... Слушайте, Алексей Федорович, нет ли тут во всем этом рассуждении нашем, то есть вашем... нет, уж лучше нашем... нет ли тут презрения к нему, к этому несчастному... в том, что мы так его душу теперь разбираем, свысока точно, а? В том, что так наивно решили теперь, что он деньги примет, а?

— Нет, Lise, нет презрения, — твердо ответил Алеша, как будто уже приготовленный к этому вопросу, — я уж об этом сам думал, идя сюда. Рассудите, какое уж тут презрение, когда мы сами такие же, как он, когда все такие

же, как он. <...> *вы смеетесь как маленькая девочка, а про себя думаете как мученица...*

— Как мученица? Как это?

— Да, Lise, вот давеча ваш вопрос: *нет ли в нас презрения* к тому несчастному, что мы так душу его анатомируем, — этот вопрос мученический... видите, я никак не умею это выразить, но у кого такие вопросы являются, тот сам способен страдать. *Сидя в креслах, вы уж и теперь должны были много передумать...* (курсив мой. — В. В.)³⁵.

«Мученичество» Лизы позволяет понять и близко к сердцу принять муку другого человека. Такова была в жизни Елена Андреевна Штакеншнейдер. Поэтому в Достоевском она более всего ценит полное отсутствие высокомерия к людям (и тем более «мастерства высокомерия», которое она наблюдает в И. С. Тургеневе — 456). Тонкая, болезненная чувствительность Лизы Хохлаковой к малейшей тени «презрения» в нашем формальном гуманизме опять же заставляет вспомнить Е. А. Штакеншнейдер. Именно она смогла заметить в Достоевском эту высшую и столь редко встречаемую степень уважения к человеку как таковому:

Его называют психологом. Да, он был психолог. Но, чтобы быть таким психологом, не надо быть великим писателем, а надо уметь подходить к душе ближнего, надо самому иметь душу добрую, простую, глубокую и *не умеющую презирать*.

Надо иметь не гордую душу, а мягкую, склоняющуюся, которая может нагнуться, умалиться и пройти в душу ближнего; а там уже видно, чем больна эта душа и чего ей нужно, можно понять ее (курсив мой. — В. В.) (459–460).

Особый человеческий талант Достоевского увиден Еленой Андреевной так хорошо потому, что был свойствен и ей самой.

Оказавшись в эмиграции и не выдержав испытания судьбы, П. Л. Лавров растерял то обаяние духовной силы, которое так привлекало к нему молодых правдоискателей. В конечном итоге он встал на путь оправдания терроризма. Е. А. Штакеншнейдер не пошла за ним до конца, но она пережила в себе соблазн антихристианства. И в этом она также видится прототипом Лизы Хохлаковой, павшей перед обаянием вседозволенности Ивана Карамазова; можно предположить, что героине романа предстояло то выздоровление от «болезни века», которое спасло Елену Андреевну. Ее можно понять, когда она слагает новую молитву (ср. с молитвой 1869 года «чтобы не истребилось племя нигилистов» — 405), на сей раз о Достоевском:

Продли, Господи, его жизни! Много может он сделать добра, установить пошатнувшееся, расчистить и указать путь к правде. Главное, к нему сами идут, хотят его слушать, жаждут его слова, жаждут его, измученные, потерянные (434).

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Научное издание мемуаров, дневников и переписки Е. А. Штакеншнейдер». № 15-04-00477а.
- 1 И то и другое было частично опубликовано: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / ред., вступ. ст. и коммент. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
 - 2 Лавров П. Л. Стихотворения // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л.: Советский писатель, 1968 (серия «Библиотека поэта») [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lawrow_p_l/text_0020.shtml
 - 3 О революционности П. Л. Лаврова см.: [1]; [4]; [5].
 - 4 Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа в 1870–1873 гг. // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 141–142.
 - 5 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 55.
 - 6 РГАЛИ. Ф. 923. Оп. 2. Ед. хр. 3 (цитата приводится по рукописи, т. к. в советском издании читаем эту фразу в отцензурованном варианте: «напечатаны плохо» (308)).
 - 7 Шелгунов Н. В. К молодому поколению // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 83–98 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/33440>
 - 8 Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1934. С. 590–591.
 - 9 Русанов Н. С. П. Л. Лавров. Очерк его жизни и деятельности // Былое. 1907. № 2. С. 261.
 - 10 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 39.
 - 11 Русская мысль. 1916. № 4. С. 202.
 - 12 Тургенев И. С. Письмо к П. В. Анненкову // Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л., 1966. Письма. Т. XII. Кн. 1. С. 411.
 - 13 “Народное восстание” провозглашено как главная цель в программной статье Лаврова, открывавшей созданный им в эмиграции журнал (Вперед! 1873. Т. 1. С. III).
 - 14 Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа в 1870–1873 гг. // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 134–135. (Письмо от 10/22 октября 1871 г.)
 - 15 Голос минувшего. 1916. № 9. С. 125. (Письмо 31 июня/12 июля 1872 г.)
 - 16 Там же. С. 126.
 - 17 Полонский Я. П. Полн. собр. стихотворений: в 5 т. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1896. Т. 2. С. 166–168 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Что_с_ней%3F_
 - 18 Там же. С. 169–170.
 - 19 Голос минувшего. 1916. № 9. С. 120. (Письмо 25 февраля /9 марта 1871 г.)
 - 20 Достоевский Ф. М. Иностранные события // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 234.
 - 21 Там же. С. 204.
 - 22 Там же.
 - 23 Достоевский Ф. М. Влас // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 36.
 - 24 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1981. Т. 23. С. 147.
 - 25 Голос минувшего. 1916. № 9. С. 132.
 - 26 Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. 1880 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 149.
 - 27 Там же. С. 162.
 - 28 Там же. С. 166.
 - 29 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 198.
 - 30 Там же.

- ³¹ Там же. С. 73.
- ³² Там же. С. 73, 199.
- ³³ Достоевский Ф. М. Письмо к Сусловой Н. П. от 19 апреля 1865 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 121.
- ³⁴ Стоит отметить, что «мучительские» мотивы сильно сокращены в указанном выше издании дневников и записок Е. А. Штакеншнейдер 1934 года [15, 7–27].
- ³⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 197–199.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — Москва, 1992. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 194–196.
2. Индзинская, А. В. «Вся ваша и с костылями Е. Штакеншнейдер»: переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской / А. В. Индзинская // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 34–39 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455191625.pdf (21.04.2017).
3. Индзинская, А. В. Переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской (1878–1887) / А. В. Индзинская; подгот. текста и примеч. А. В. Индзинской, В. А. Викторovich // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 40–52 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453712629.pdf (21.04.2017).
4. Итенберг, Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении / Б. С. Итенберг. — Москва, 1988. — 300 с.
5. Кареев, Н. И. Теория личности П. Л. Лаврова / Н. И. Кареев. — Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. — 64 с.
6. Коган, Г. «Какой мучительный иногда человек Достоевский...». Неизвестные страницы из Дневника Е. А. Штакеншнейдер / Г. Коган // Литературная газета. — 1996. — 2 октября. — № 40. — С. 6.
7. Коган, Г. Вступительная статья к публикации А. Эйснера «Из воспоминаний о Достоевском» / Г. Коган // Знамя. — 1991. — № 11. — С. 159–164.
8. Лавров, П. Л. Биография-исповедь / П. Л. Лавров // Избранные труды / П. Л. Лавров. — Москва: РОССПЭН, 2010. — С. 519–551.
9. Лавров, П. Л. Исторические письма / П. Л. Лавров // Избранные труды / П. Л. Лавров. — Москва: РОССПЭН, 2010. — С. 41–296.
10. Лавров, П. Л. Очерки вопросов практической философии / П. Л. Лавров // Философия и социология: Избранные произведения: в 2 т. / П. Л. Лавров. — Москва: Мысль, 1965. — Т. 1. — С. 339–462.
11. Лавров, П. Л. Письмо к издателю / П. Л. Лавров // Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. / П. Л. Лавров. — Москва: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — Т. 1: 1857–1871. — С. 108–117.
12. Марков, Е. Л. Романист-психиатр / Е. Л. Марков // Русская речь. — 1879. — № 5. — С. 243–276; № 6. — С. 171–381.
13. Михайлов, Б. Г. Несколько документов о пребывании в вологодской ссылке П. Л. Лаврова / Б. Г. Михайлов // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. — Вып. 1. — С. 306–315 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.booksite.ru/fulltext/mater_1/2_3.pdf

14. Неизданные письма к Достоевскому / подгот. текста А. И. Батюто, А. М. Березкина, Т. И. Орнатской, Г. В. Степановой, И. Д. Якубович // Достоевский : Материалы и исследования. — Ленинград, 1983. — [Т.] 5. — С. 246–270.
15. Розанов, И. Н. Е. А. Штакеншнейдер и ее дневник / И. Н. Розанов // Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854–1886). — Москва, Ленинград : Academia, 1934. — С. 7–27.
16. Тихомиров, Б. Н. Достоевский на Кузнечном : Даты. События. Люди / Б. Н. Тихомиров. — Санкт-Петербург, 2012. — 221 с.
17. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. — Москва : Худож. лит., 1990. — Т. 2. — 623 с.
18. Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии [Рец. на кн.: «Очерки вопросов практической философии». Сочинение П. Л. Лаврова, I. Личность. СПб. 1860] / Н. Г. Чернышевский // Собр. соч. : в 5 т. / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Правда. Том 4 : Статьи по философии и эстетике 1974 (Библиотека «Огонек») [Электронный ресурс]. — URL : http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0430.shtml (21.04.2017).

Vladimir A. Viktorovich

*Doctor of Philology
Professor of State University of
Social Studies and Humanities
(Kolomna, Russian Federation)*

VA_Viktorovich@mail.ru

AN ORDEAL BY “PRACTICAL PHILISOPHY” OR TWO TEACHERS OF ELENA STAKENSCHNEIDER

Abstract. Based on the diaries, memoirs and letters of E. A. Stakenschneider we have revealed a kind of an ideologic novel with the plot concerning spiritual evolution of E. A. Stakenschneider from the revolutionary radicalism of P. L. Lavrov to the Christian conservatism of F. M. Dostoevsky. The problem of “teaching”, spiritual leaders for the young generations of the 1860s and 1870s is evoked. Two “Thought Leaders”, who appreciated the spiritual beauty of a “smart hunchback”, became her life teachers. She shared Lavrov’s opposition attitude, she was carried away by his uncensored poetry and learned the “practical philosophy”, she critically thought about his amazing width of views, about the combination of faith and scepticism, but the spiritual father of Lavrov considered “him to be a devoted Christian”. An aesthetic insight of the young reader manifested itself in her comment made in 1861 about the originality of Dostoevsky’s style: “naturalness of unnaturalness”. The experience of a handicapped taught her to deeply empathize with the misfortunes of others and rejoice in happiness of others. Having experienced the “truth” of atheism, she met “A Writer’s Diary” with enthusiasm, when the time of Dostoevsky came, who proclaimed the beginning of Christian anthropology. The article also puts forward a proposal that Elena Andreevna Stakenschneider could have become an archetype of Lisa Khokhlakova in the novel “The Brothers Karamazov”.

Keywords: E. A. Stakenschneider, P. L. Lavrov, Fedor Dostoevsky, Christianity, nihilism, hedonism, conservatism, ego-document

REFERENCES

1. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [*History of Russian Philosophy*]. Moscow, 1992, vol. 1, part 2, pp. 194–196. (In Russ.)
2. Indzinskaya A. V. “All Sincerely Yours and with on Crutches, E. Shtakenshneyder”: E. A. Shtakenshneyder's Correspondence with A. G. Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [*The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal*], 2015, no. 4, pp. 34–39. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455191625.pdf (accessed 21 April 2017). (In Russ.)
3. Indzinskaya A. V. Correspondence Between E. A. Shtakenshneyder and A. G. Dostoevskaya (1878–1887). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [*The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal*], 2015, no. 4, pp. 40–52. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453712629.pdf (accessed 21 April 2017). (In Russ.)
4. Itenberg B. S. P. L. *Lavrov v russkom revolyutsionnom dvizhenii* [*P. L. Lavrov in the Russian Revolutionary Movement*]. Moscow, 1988. 300 p. (In Russ.)
5. Kareev N. I. *Teoriya lichnosti P. L. Lavrova* [*Theory of the Personality of P. L. Lavrov*]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za” Publ., 1907. 64 p. (In Russ.)
6. Kogan G. “What an Anxious Person Can Dostoevsky Be Sometimes...”. *Unknown Pages From the Diary of E. A. Stakenschneider*. In: *Literaturnaya gazeta*, 1996, 2 October, no. 40. P. 6. (In Russ.)
7. Kogan G. An Introductory Article to the Publication of A. Eisner “The Memories About Dostoevsky”. In: *Znamya*, 1991, no. 11, pp. 159–164. (In Russ.)
8. Lavrov P. L. Biography-Confession. In: *Izbrannye trudy* [*Selected Works*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 519–551. (In Russ.)
9. Lavrov P. L. Historical Letters. In: *Izbrannye trudy* [*Selected Works*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 41–296. (In Russ.)
10. Lavrov P. L. Essays on Issues of Practical Philosophy. In: *Filosofiya i sotsiologiya: Izbrannye proizvedeniya: v 2 tomakh* [*Philosophy and Sociology: Selected Works: in 2 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 1, pp. 339–462. (In Russ.)
11. Lavrov P. L. A Letter to the Publisher. In: *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 tomakh* [*Selected Works on Socio-Political Themes: in 8 Vols*]. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poseselentsev Publ., 1934, vol. 1: 1857–1871, pp. 108–117. (In Russ.)
12. Markov E. L. The Novelist-Psychiatrist. In: *Russkaya rech'*, 1879, no. 5, pp. 243–276; no. 6, pp. 171–381. (In Russ.)
13. Mikhaylov B. G. Several Documents on P. L. Lavrov's Life in Exile in Vologda. In: *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR* [*Materials on the History of the European North of the USSR*]. Vologda, 1970, issue. 1, pp. 306–315. Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/mater_1/2_3.pdf (In Russ.)
14. Unpublished Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky: Materials and Researches*]. Leningrad, 1983, vol. 5, pp. 246–270. (In Russ.)
15. Rozanov I. N. E. A. Stakenschneider and Her Diary. In: *E. A. Shtakenshneyder. Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [*E. A. Stakenschneider. Diary and Notes (1854–1886)*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934, pp. 7–27. (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [*Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People*]. St. Petersburg, 2012, 221 p. (In Russ.)

17. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky in the *Memories of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2. 623 p. (In Russ.)
18. Chernyshevskiy H. G. An Anthropological Principle in Philosophy (A Review of the Book: “Essays on Issues of Practical Philosophy”. The Tractate of P. L. Lavrov, I. Personality. St. Petersburg. 1860). In: Chernyshevskiy H. G. *Sobranie sochneniy: v 5 tomakh* [Chernyshevsky N. G. *Complete Works: in 5 Vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1974, vol. 4: *Articles on Philosophy and Aesthetics* (Library “Ogonyok”). Available at: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0430.shtml (accessed 21 April 2017). (In Russ.)